

М.А. Рожкова,
профессор кафедры интеллектуальных прав
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

О процессуальных особенностях рассмотрения дел о признании информации, размещенной на Интернет-сайте, запрещенной к распространению*

В Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ) в кассационном порядке было пересмотрено дело по заявлению прокурора г. Барнаула в интересах неопределенного круга лиц о признании информации, размещенной на конкретном Интернет-сайте, запрещенной к распространению. В обоснование данного заявления указывалось, что на упомянутом сайте была размещена информация, явно пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних, бисексуальные отношения среди детей. Заявление прокурора было предъявлено как заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, и предполагало его рассмотрение в порядке особого производства.

Определением Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 12 мая 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 20 августа 2014 г., названное заявление было оставлено без рассмотрения. В качестве основания для такой резолюции суды ссылались на то, что по рассматриваемому делу имеется спор о праве, который может быть разрешен только в порядке искового судопроизводства.

Отменяя вынесенные по делу судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР по проекту № 1865.

подчеркнула, что перечень фактов, имеющих юридическое значение, указан в ч. 2 ст. 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК), при этом в соответствии с п. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК суд рассматривает другие имеющие юридическое значение факты.

В обоснование отмены вынесенных по настоящему делу судебных актов Судебная коллегия в определении от 9 июня 2015 г. № 51-КГПР15-7 (далее – Определение № 51-КГПР15-7) сочла необходимым заметить следующее. В силу ч. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) в целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система *«Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»* (далее – Единый реестр). Согласно ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации в Единый реестр включаются *сведения о доменных именах, указателях страниц, а также сетевых адресах Интернет-сайтов, содержащих информацию, распространение которых в Российской Федерации запрещено* (далее – сведения, указанные в ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации). Основанием для включения в Единый реестр таких сведений является, в том числе вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, запрещенной (ч. 5 указанной статьи).

Далее Судебная коллегия отметила, что целью обращения прокурора с заявлением о признании информации, размещенной на упомянутом Интернет-сайте, запрещенной к распространению в Российской Федерации, является последующее включение соответствующих сведений в Единый

реестр. По мнению суда кассационной инстанции, это свидетельствует об отсутствии спора о праве по заявленному требованию.

Позиция, сформулированная в Определении № 51-КГПР15-7 по вопросу, касающемуся блокировки доступа к Интернет-сайту, будет оказывать серьезное влияние на складывающуюся судебную практику и, думается, нуждается в комментариях, требуя анализа нескольких взаимосвязанных вопросов.

1. Прежде всего, необходимо уделить внимание основаниям включения в Единый реестр сведений, указанных в ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации. Действующая редакция Закона позволяет выделить две группы таких оснований.

Первую группу оснований для включения в Единый реестр сведений, указанных в ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации, составляют **внесудебные решения уполномоченных органов**, к которым относится, в частности, Роскомнадзор, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Роспотребнадзор (п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации). Такие решения могут быть приняты только в случаях, прямо обозначенных в Законе, в отношении распространяемых посредством сети Интернет:

– материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (подп. (а) п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации);

– информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений (подп. (б) п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации);

– информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства (подп. (в) п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации);

– информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами (подп. (г) п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации);

– информации, нарушающей требования Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях» о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети Интернет и иных средств связи (подп. (д) п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации).

Вторую группу оснований для включения в Единый реестр сведений, указанных в ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации, составляют **вступившие в законную силу судебные решения**, которыми информация, распространяемая посредством сети Интернет, признана запрещенной к распространению в Российской Федерации (п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации).

В рассматриваемом деле речь идет о втором случае, когда для внесения в Единый реестр сведений, указанных в ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации, необходимо именно судебное решение. В связи с этим нельзя не обратить внимание на упомянутые в Определении № 51-КГПР15-7 законодательные нормы, которые могли быть учтены при рассмотрении судом данного дела по существу.

В частности, Судебная коллегия ссылается на ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в соответствии с которым органы государственной

власти РФ принимают меры по защите ребенка от информации, в том числе пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения. При этом в Определении № 51-КГПР15-7 специально подчеркивается, что согласно п. 4 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения.

2. Следует отметить, что в Определении № 51-КГПР15-7 не дана оценка правовой природы отношений, из которых возникло требование по рассматриваемому делу, тогда как данный вопрос имеет принципиально важное значение.

Отношения, из которых возникло заявленное требование, сложно отнести к числу гражданско-правовых отношений, которые традиционно определяются как правоотношения, урегулированные нормами гражданского права и возникающие между юридически равными субъектами по поводу имущества, а также нематериальных благ, и выражающееся в наличии у них субъективных прав и обязанностей.

Обязанность не распространять информацию, запрещенную в Российской Федерации, есть публично-правовая обязанность, которая возложена законом на целый ряд лиц. Следовательно, вопросы, связанные с признанием информации запрещенной и ограничением доступа к Интернет-сайтам или их страницам, содержащим такую информацию, посредством включения доменных имен, указателей страниц или сетевых адресов этих сайтов (или отдельных страниц) в Единый реестр, ведение которого на сегодняшний день возложено на Роскомнадзор, – это **вопросы, возникающие в сфере отношений публичных.**

С учетом сказанного нельзя не заметить, что применительно к исковым требованиям, возникающим из гражданских правоотношений, целью судебного разбирательства становится разрешение спора о праве между

равными участниками спорных отношений и восстановлении нарушенных прав или пресечении оспаривания прав. Вместе с тем из публичных отношений спор о праве не возникает, а функция суда при рассмотрении требований, вытекающих из публичных отношений, состоит в осуществлении судебного контроля (превентивного или последующего) за законностью действий органов публичной власти в том числе в отношении частных лиц.

Вследствие сказанного, бесспорно, неверен вывод нижестоящих судебных инстанций, оставивших заявление по настоящему делу без рассмотрения со ссылкой на наличие спора о праве. В данном случае суд осуществляет превентивный контроль за правомерностью отнесения информации, содержащейся на сайте (или отдельных его страницах), к запрещенной, доступ к которой подлежит ограничению.

3. Вместе с тем нельзя признать верным и вывод, содержащийся в Определении № 51-КГПР15-7, согласно которому заявление прокурора о признании информации, размещенной на конкретном Интернет-сайте, запрещенной к распространению, подлежит рассмотрению в порядке *производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение*. Подвергая этот вывод критическому анализу, целесообразно опереться на следующее.

Цель производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, (гл. 28 ГПК) – судебное установление конкретного юридически значимого обстоятельства. Необходимость обращения к использованию данной судебной процедуры возникает в том случае, если лицо считает, что оно располагает конкретным субъективным правом, это право никем не оспаривается, но и осуществить его лицо не может ввиду того, что факт, подтверждающий наличие этого права, не является очевидным и требует проверки и подтверждения.

С учетом сказанного главным отличительным признаком, принципиально выделяющим дела об установлении фактов из прочих,

является, конечно, отсутствие спора о праве. То есть заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, подлежит рассмотрению по существу в том случае, если отсутствует взаимосвязанный с устанавливаемым фактом правовой спор, возникший из материально-правовых отношений между конкретным и лицами. Если же при рассмотрении дела данной категории выясняется, что имеет место (или возник) спор о праве и разрешение этого спора находится в прямой зависимости от устанавливаемого факта, заявление об установлении этого факта подлежит оставлению без рассмотрения. В этом случае требования, вытекающие из этого спора, должны рассматриваться в порядке искового производства (ч. 3 ст. 263 ГПК), а доказательства, подтверждающие факт, имеющий юридическое значение, будут исследоваться и оцениваться наряду с иными доказательствами по делу.

Как уже указывалось выше, следует согласиться с тем, что в рассматриваемом деле отсутствует спор о праве – в силу публично-правовой природы отношений, из которых возникло само заявленное требование. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что **комментируемое дело не может быть рассмотрено в порядке производства об установлении фактов, имеющих юридическое значение**, что обусловлено сущностью данного производства.

Общепризнанно, что в качестве факта, подлежащего установлению судом в порядке, предусмотренном гл. 28 ГПК, может рассматриваться только тот факт, который *сам по себе оказывает* влияние на возникновение, изменение и прекращение субъективных прав заявителя. Этот вывод подтверждает ч. 1 ст. 264 ГПК, согласно которой суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. Следовательно, закон не предусматривает установление в таком порядке обстоятельств, которые сами не порождают юридические последствия.

Вследствие сказанного не подлежат удовлетворению требования не об установлении фактов, а, например, о *правовой оценке поведения самого лица* (признании его например, добросовестным векселедателем, законным пользователем, добросовестным налогоплательщиком и т.д.) – правовая оценка поведения лица может быть дана судом только при рассмотрении дела в порядке искового производства наряду с иными обстоятельствами, необходимыми для правильного разрешения данного дела. То же можно сказать относительно требования о *характеристике различных объектов* (к примеру, как в рассматриваемом деле – характеристики информации как запрещенной в Российской Федерации).

Нельзя не заметить и того, что, как и предусматривает ч. 1 ст. 264 ГПК, юридические последствия, к которым должен приводить устанавливаемый факт (обстоятельство), должны наступать для *заявителя*, а не какого-то иного лица. В связи со сказанным, бесспорно, требование прокурора о признании информации, размещенной на конкретном Интернет-сайте, запрещенной к распространению, под данное условие не подпадает.

4. В ч. 1 ст. 264 ГПК закреплено, что в рамках производства по делу об установлении фактов, имеющих юридическое значение, суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. То есть в такой порядок предусмотрен для установления судом фактов (обстоятельств), от которых зависит *движение субъективных гражданских правоотношений* или *реализация гражданской правосубъектности*.

Подтверждение сказанному обнаруживается в ч. 2 ст. 264 ГПК, в которой перечислены некоторые обстоятельства, которые могут быть признаны судом в рамках рассматриваемого производства. Это, например, обстоятельство наличия родственных отношений, факт нахождения на иждивении или пользования/владения недвижимым имуществом и т.д. При этом перечень обстоятельств, которые могут быть установлены судом в порядке, закрепленном гл. 28 ГПК, является открытым (подп. 10 ч. 2 ст. 264

ГПК), т.е. закон допускает признание судом и иных фактов, оказывающих влияние на движение субъективных гражданских правоотношений или реализацию гражданской правосубъектности.

Исходя из изложенного можно заключить, что производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, – это производство, предназначенное по общему правилу для решения вопросов, возникающих в связи с гражданско-правовыми отношениями.

Между тем рассматриваемое требование, как уже указывалось выше, возникло отнюдь не из гражданско-правовых, а из публичных отношений, что дает дополнительное основание для возражений против вывода о допустимости рассмотрения подобных требований в рамках производства по делу об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Все вышеизложенное опровергает правильность позиции, сформулированной в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 9 июня 2015 г. № 51-КГПР15-7, согласно которой заявление прокурора о признании информации, размещенной на конкретном Интернет-сайте, запрещенной к распространению, подлежит рассмотрению в порядке производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Подобные дела **подлежат рассмотрению в порядке производства по делам, возникающим из публичных отношений**, в рамках которого заинтересованная сторона (в том числе владелец сайта, провайдер хостинга, оператор связи) вправе изложить свои возражения. Этот вывод основан на нормах абз. 7 ст. 246 ГПК, в котором закреплено право рассматривать в таком порядке иные дела, которые возникли из публичных правоотношений и отнесены федеральным законом к ведению суда, и ч. 2 ст. 15.1 Закона об информации, в силу которой к ведению судов отнесено решение вопросов о признании информации, размещенной на Интернет-сайте, запрещенной к распространению в Российской Федерации.